

чтительно облегчаетъ какъ наблюденіе за правильностію денежныхъ оборотовъ, такъ и составленіе экономическихъ отчетовъ по установленной формѣ. О вышеизложенномъ, для надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства и исполненія по духовно-учебному вѣдомству, сообщить установленнымъ порядкомъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Преподано благословеніе Св. Синода, съ выдачею установленной грамоты, церковному старостѣ Соленозаймищенской Покровской церкви, Черноярскаго уѣзда, государственному крестьянину Якову *Садчикову* за пожертвованіе деревяннаго съ пристроемъ дома, стоящаго 850 р., въ пользу Соленовской церкви для жительства настоятеля оной (14 апрѣля).

— Утверждены въ должностяхъ: предсѣдателя церковно-приходскаго попечительства Никольской Антоніо-Феодосіевской церкви, Красноярскаго уѣзда, временно-обязанный крестьянинъ Василій *Шкодінъ* и членовъ онаго временно-обязанные крестьяне: Григорій *Кузнецовъ*, Кузьма *Шероуховъ*, Иванъ *Хохловъ*, Андрей *Шкодінъ*, Иванъ *Козловъ*, Сильвестръ *Горбачевъ*, Василій *Мазуровъ*, Егоръ *Серебряковъ*, Степанъ *Потемкинъ* и мѣщанинъ Аонасій *Интуховъ* на трехлѣтіе (18 мая), — церковнаго старосты: мѣщанинъ Михаилъ *Черкисовъ* въ Казачебугровской Донской церкви, Астраханскаго уѣзда, на третіе трехлѣтіе (18 мая).

— Освящена перестроенная деревянная церковь Рождество-Вогородицкая въ селѣ Абганеровѣ, Черноярскаго уѣзда (24 марта).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о современномъ положеніи калмыковъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (*).

Въ религіозномъ отношеніи калмыки тоже весьма жалкій народъ. Они исповѣдуютъ буддизмъ въ самой искаженной его формѣ — въ формѣ ламанизма, который представляетъ необычайно странную смѣсь многихъ религій, религіозныхъ суевѣрій и философскихъ системъ. Въ ламанизмъ можно встрѣтиться и съ идеями браманизма, противъ котораго, по видимому, возсталъ основатель буддизма Шакья-Муни, и съ идеями парсизма, съ которыми онъ, кажется, ничего не имѣетъ общаго, и съ идеями древнихъ Грековъ — язычниковъ.

(*) См. №№ 18, 19 и 21 „Астрах. Вѣстн.“ 1876 г.

съ которыми онъ никогда не имѣлъ интеллектуальнаго сношенія, и съ идеями христіанскими, которыя въ основѣ своей составляютъ совершенную противоположность буддизму, и съ идеями даже нѣмцевъ философовъ въ родѣ Гегеля, о существованіи которыхъ онъ даже и не подозрѣваетъ. Въ ламаизмѣ наблюдатель встрѣчаетъ и теологію, и теософію, и философію, и астрологію, и астрономію, и миеологію, и мистицизмъ, и шаманство, и фетишизмъ и... словомъ, въ этой религіи по русской поговоркѣ: „чего хочешь, того просишь“. — Понятно само-собою, что отъ простаго народа нельзя ожидать, чтобы онъ смыслилъ что-либо въ своей религіи, которая имѣетъ странное свойство воспринимать въ себя элементы всевозможныхъ религій; объяснять ихъ своими основными началами и въ то же время оставаться религіею самостоятельною. Впрочемъ не только простой народъ, но и самое духовенство калмыцкое не можетъ похвалиться основательнымъ знаніемъ своей религіи, да, по-видимому, мало и заботится объ этомъ: оно хорошо знаетъ обряды своей религіи и это считаетъ для себя достаточнымъ. Да и едва-ли возможно ожидать основательнаго знанія своей религіи со стороны ламаита... У христіанъ есть свои книги В. и Н. Завѣта, гдѣ заключены основы христіанской религіи и откуда всякій, желающій познакомиться съ христіанствомъ, можетъ почерпнуть необходимыя для этого свѣдѣнія; у магометанъ есть священная книга Коранъ — этотъ краеугольный камень ламаизма, — который при всей своей сбивчивости, спутанности, темнотѣ и многихъ противорѣчіяхъ, все-таки можетъ дать достаточный матеріалъ изслѣдователю для сужденія объ основныхъ началахъ религіи Магомета... Но желающій заняться изслѣдованіемъ ламаизма можетъ-ли рассчитывать на подобное облегченіе своего труда? Да, есть и у ламаитовъ священныя каноническія книги, извѣстныя подъ именемъ Ганджуръ-Данджуръ. Но что это за книги? Одно количество ихъ можетъ привести въ ужасъ изслѣдователя! Число ихъ доходитъ до 360 томовъ. Содержаніе этихъ книгъ самое разнообразное. Въ нихъ встрѣчаются трактаты о всевозможныхъ предметахъ: о многочисленныхъ сонмахъ боговъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; о разныхъ родахъ живыхъ существъ и ихъ душепереселеніяхъ; о мірѣ, или вѣрнѣе о безчисленныхъ мірахъ, ихъ положеніи, составѣ, періодахъ ихъ образованія, существованія, продолженія и разрушенія; о свойствахъ блаженнаго *небытія* или пустоты (Нирвана); о *я* и *не я*... и словомъ — о такихъ хитрыхъ, волеумудрыхъ матеріяхъ, которыхъ „не хитрому уму не выдумать и въ вѣкъ“, о такихъ отвлеченностяхъ, до какихъ едва-ли доходили самые отвлеченнѣйшіе

изъ нѣмецкихъ философовъ. Кроме того, въ этихъ книгахъ существуетъ такая варварская терминологія, которую русскій человѣкъ рѣшительно не въ состояніи передать на свой языкъ: творцы этихъ книгъ ухитряются выковырывать имена существительныя изъ личныхъ мѣстоимѣній, изъ глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи и даже изъ предлоговъ и нарѣчій. Аналогическое явленіе въ этомъ отношеніи опять-таки представляютъ нѣмцы въ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ попадаются такія напримѣръ неудобоваримыя для русскаго человѣка слова: Jchheit, Selbstheit, Sicheit, An-und-fur-sicheit, Jn-sich-selbst-sein и т. п...

Исслѣдованія буддизма и ламаизма начались давно, продолжаютъ доселѣ и едва-ли скоро окончатся и достигнутъ такихъ результатовъ, ознакомившись съ которыми, какой-нибудь мыслящій человѣкъ рѣшился-бы предпринять трудъ — изложить систему ламайскаго вѣроученія во всей подробности: такой трудъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ, невыполнимъ. Въ настоящей статьѣ мы, поэтому, и не намѣрены излагать систему ламайскаго вѣроученія и нравоученія, а хотимъ только по нашей цѣли сказать нѣсколько словъ о жрецахъ этой религіи, ихъ вліяніи на народъ, поведеніи ипр.

Жрецы ламайскіе, обзанные обѣтомъ безбрачія и живущіе обыкновенно въ общежительныхъ монастыряхъ или хурулахъ, не похожи на жрецовъ другихъ языческихъ религій: они заботятся не о личныхъ только интересахъ, но и о благѣ всего своего ордена, очень хорошо понимая, что сила и матеріальный интересъ каждаго отдѣльнаго члена этого ордена зависятъ отъ большей или меньшей степени благосостоянія всего вообще ордена. Отъ этого каждый жрецъ, заботясь лично о себѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ хлопочетъ и о доставленіи разныхъ житейскихъ благъ и тому хурулу, къ которому онъ принадлежитъ. Внутренняя и внѣшняя организація хуруловъ много напоминаетъ намъ организацію католическихъ монашескихъ орденовъ. Эти послѣдніе, несмотря на разныя свои названія и на разныя цѣли, къ достиженію которыхъ они стремятся, всегда тяготеютъ къ единому центру — Папѣ, какъ къ главѣ католическаго міра; тоже самое или подобное этому встрѣчаемъ мы и въ средѣ ламайскаго духовенства. Жители города Астрахани, мнѣ кажется, обратили или обращаютъ вниманіе на тотъ фактъ, что многія лица изъ камыскаго ламайскаго духовенства, нерѣдко посѣщающія Астрахань главнымъ образомъ для закупажъ разныхъ необходимыхъ для нихъ вещей, щеголяютъ

обыкновенно или въ ярко-желтыхъ, или въ ярко-красныхъ одеждахъ. Эти цвѣта служатъ внѣшнимъ отличительнымъ признакомъ принадлежности къ двумъ главнымъ монашескимъ орденамъ. Носящіе желтый костюмъ преимущественно посвящаютъ себя на служеніе Шахья-Муни, основателю буддизма, и главною своею обязанностію считаютъ благотворительность въ разныхъ видахъ не только по отношенію къ людямъ, но и ко всѣмъ вообще живымъ тварямъ. Тотъ гелюнгъ, о которомъ разсказывается въ мѣстномъ литературномъ органѣ (см. Астрах. Справочн. Листокъ 1874 г. № 86), что онъ нанялъ калмычатъ переловить маленькихъ сазанчиковъ изъ лужи, оставшейся послѣ полои воды, гдѣ они могли-бы погибнуть, очевидно принадлежалъ къ желтому ордену. Члены этого-же ордена и теперь еще, какъ передавалъ мнѣ многоуважаемый мелкій рыбпромышленникъ И. Я., во время пребыванія своего въ Астрахани нерѣдко заходятъ на базаръ, извѣстный подъ именемъ малыхъ исадъ на Косѣ, и покупая изъ садковъ цѣлыми сотнями, иногда сравнительно на довольно значительную сумму отъ 5 до 10 рублей, лещей и другую мелкую рыбу, пускаютъ ее на волю прямо изъ садковъ въ Волгу. Носящіе красное одѣяніе избираютъ для себя особенную специальность—возню съ *докшитами* т. е. съ свирѣпыми, буйными, жестокими и грозными духами, которые, по ламайскимъ легендамъ священнымъ, являются иногда къ благочестивымъ людямъ въ самомъ ужасномъ видѣ для искупенія ихъ, могутъ для достиженія своихъ злостныхъ цѣлей по своему произволу производить громъ, молнію, дождь, градъ, землетрясеніе и т. п. Одни изъ лицъ этого ордена стараются вліять на докшитовъ заклинаніями, называемыми *докшинъ-тарни*, а другіе прямо обращаются къ нимъ съ просьбою о помощи противъ враждебныхъ силъ природы. Оба ордена, не смотря на свои внѣшніе и внутренніе особенности, живутъ между-собою мирно, одинаково безпрекословно признаютъ надъ собою единство духовной власти въ лицѣ ламы, который избирается изъ старшихъ бакшей и при томъ лицами, которые находятся подъ сильнымъ вліаніемъ духовенства: нойонами, опекунами и правителями улусовъ. По идеѣ отрѣшенные отъ міра, лица духовнаго сословія естественно сближаются между собою и всѣ свои силы посвящаютъ на служеніе своей духовной общинѣ. Приписывая себѣ дворянское достоинство (*цаганъ ясунъ*—бѣлая кость), они по свойственной дикимъ кочевымъ народамъ гордости, держатъ себя вдали отъ народа, не входятъ съ нимъ въ ближайшія отношенія, выдаютъ себя за прямыхъ посредниковъ между бурханами и простымъ народомъ (*жара ясунъ*,

хара кююнь, хара улусъ—черная кость, черный человекъ, черный народъ—черны) и въ качествѣ такихъ посредниковъ требуютъ себѣ соответствующаго почтенія, чуть не боготворенія. И народъ охотно признаетъ за ними подобныя права и причисляетъ ихъ къ такъ называемымъ у ламантовъ тремъ драгоцѣпостямъ—*урбанъ-эрдэни*. По этому большая часть религиозныхъ сочиненій, которыя можно встрѣтить почти въ каждой кибиткѣ, начинается слѣдующей религиозной формулой: *бурханъ ду мюргюмой, номъ ду мюргюмой, хуваракъ ту мюргюмой*, т. е. „поклоняюсь Буддѣ, поклоняюсь его ученію, поклоняюсь духовенству“; иногда слово *мюргюмой*—поклоняюсь замѣняется словомъ *итэгюмой*—вѣрую...

Духовенство ламайское имѣетъ громадное вліяніе на народъ, который находится въ слѣпомъ повиновеніи ему и не можетъ обойтись безъ него при всякомъ болѣе или менѣе важномъ случаѣ въ жизни: пабожные люди обращаются за совѣтомъ къ духовенству при всѣхъ важныхъ житейскихъ и семейныхъ обстоятельствахъ. Рожденіе, бракъ, болѣзнь, смерть, семейная размолвка, перекочевка съ мѣста на мѣсто,—побуждаютъ калмыка обращаться къ духовенству,—словомъ, вся жизнь простаго калмыцкаго народа находится подъ вліяніемъ духовенства, особенно тѣхъ членовъ его, которые занимаются леченіемъ и астрологіей—*эмчи* и *зурхачи*. И простой народъ, и даже дворяне нойоны и зайсанги, благоговѣя предъ гелюнгами, безпрекословно исполняютъ ихъ приказанія и совѣты. Понятно, что при такомъ громадномъ вліяніи на народъ духовенство весьма обезпечено въ матеріальномъ отношеніи. За всякій совѣтъ, за совершеніе великаго обряда, за каждую ничего не стоящую амулетку, оно получаетъ достаточное вознагражденіе и деньгами, и скотомъ, и разными вещами и съѣстными припасами. Многіе хурумы владѣютъ крестьянами—балмыками, которые пожертвованы въ прежнія времена разными владѣльцами разнымъ гелюнгамъ за какія-либо особенныя услуги или просто въ награду за чистоту и непорочность жизни и необыкновенную ученость. Крестьяне и имущество этихъ гелюнговъ, какъ лицъ безбрачныхъ и немѣющихъ прямыхъ законныхъ наследниковъ, поступали въ общественное достояніе того хурула, къ которому они принадлежали. Всѣ эти крестьяне, извѣстные подъ общимъ названіемъ „шабинеровъ“, обязаны исполнять разные послуги при хурулахъ; пасти хурульный скотъ и ухаживать за нимъ, заготавливать сѣно для стада, дрова для хуруловъ и исполнять другія болѣе мелкія работы: варить чай для духовенства, быть на посылкахъ у него и т. п.

Свято, принадлежащій духовенству, имѣть свое особенное тавро... Богатство, приобретаемое этимъ путемъ, ничего не говоритъ противъ ламайскаго духовенства: это добровольная жертва калмыковъ и отказываться телюграмъ или хуруламъ отъ подобной жертвы значило-бы обидѣть жертвующаго... Возмутительнымъ для наблюдателя и изслѣдователя быта калмыцкаго духовенства представляется то обстоятельство, что оно, не довольствуясь добровольными пожертвованіями набожныхъ калмыковъ, прибѣгаетъ для пріобрѣтенія матеріальныхъ благъ къ разнымъ хитростямъ, плутовству, мошенничеству и шарлатанству, вследствие чего несчастный калмыкъ — простолюдинъ нерѣдко лишается послѣдняго своего достоянія: Свою алчность калмыцкое духовенство особенно проявляетъ при болѣзняхъ и погребеніи умершихъ своихъ прихожанъ.... Слагая съ себя отвѣтственность за обличеніе духовенства калмыцкаго въ вышеуказанныхъ порокахъ, я считаю необходимымъ въ оправданіе свое привести свидѣтельства объ его поведеніи лицъ, которыя имѣли возможность ближе наблюдать бытъ калмыковъ и духовенства, которое заправляетъ ими. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія главный приставъ калмыцкихъ улусовъ коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Страховъ, человекъ весьма умный и по тогдашнему времени довольно образованный (см. объ этой замѣчательной въ своемъ родѣ личности Русск. Архивъ 1868 г. стр. 128—132 и Русск. Вѣстн. 1875 г. № 8, стр. 560), писалъ въ своемъ сочиненіи слѣдующее: „сдѣлавшись сами (телюны) воплощенными идолами, они управляютъ умомъ народа именами ихъ боговъ; власть ихъ безпредѣльна и каждый лама въ углу своемъ не безсильнѣе бывшихъ папъ. Главнѣйшее занятіе стараго духовенства состоитъ въ обогащеніяхъ и въ ограбленіи на земли живущихъ посредствомъ обѣщанія переселенія душъ ихъ въ лучшихъ животныхъ или *тан-пріевъ*, т. е. святыхъ или чистыхъ духовъ. *Гурюмы*, а по нашему поминки умершихъ, часто стоятъ оставшимся лишенія всего наслѣдства ибо духовныя, подъ видомъ умилоствленія боговъ въ пользу умершихъ, все отнимаютъ у живыхъ наслѣдниковъ“ (Нынѣшн. сост. калм. нар. стр. 21—22). Съ тѣхъ поръ калмыцкое духовенство остается неизмѣннымъ относительно средствъ къ матеріальному своему обезпеченію, какъ свидѣтельствуя объ этомъ очевидцы и наблюдатели калмыцкаго быта, жившіе послѣ Н. Страхова. Напримѣръ Н. Нефедьевъ, по распоряженію высшаго начальства путешествовавшій по калмыцкимъ улусамъ въ 1832—33 годахъ, имѣлъ много случаевъ замѣтить, что ламайское духовенство крайне недобросовѣстно относится къ своимъ па-

сомымъ. Вотъ что между-прочимъ говоритъ этотъ внимательный наблюдатель о калмыцкомъ духовенствѣ, которое усердно занимается и леченіемъ народа: „къ пособіямъ земнымъ (т. е. обыкновеннымъ медицинскимъ средствамъ извѣстнымъ калмыцкому духовенству) гелюнги присоединяютъ молебствія; обре-меняя за то больныхъ величайшими пожертвованіями въ пользу хуруловъ. Калмыкъ, слѣпо увѣренный въ силѣ заступленія своего духовенства, не щадитъ ничего и нерѣдко богатый освобождается отъ болѣзни на жертву нищеты, или умирая, оставляетъ оную въ удѣлъ своему семейству. Гелюнги, по особенной учености называющіеся *зурхачеями*, имѣютъ даръ узнавать причину болѣзней, и потому у каждаго жалиточнаго калмыка оказывается какая нибудь изъ лучшихъ вещей, вредящая его здоровью. Сдѣлавши такое благодѣтельное открытіе, всевѣдущій зурхачей тотчасъ совѣтуетъ пожертвовать вредную вещь на хурулъ, что и исполняется какъ-будто по волѣ самихъ небесъ... Гелюнги имѣютъ множество другихъ уловокъ, доказывающихъ наглое ихъ шарлатанство и невѣроятное ослѣпленіе и суевѣріе калмыковъ. Желая болѣе выманить, гелюнгъ объясняетъ иногда больному, что душа его разсталась уже съ тѣломъ и что если онъ еще сохраняетъ память и дыханіе, то это не что иное, какъ послѣдніе признаки исчезающей жизни. Къ этому ужасному извѣстію обыкновенно прибавляется увѣреніе о возможности призвать отлучившуюся душу обратно, и несчастный больной, обѣщая за сіе все свое имѣніе, умоляетъ соединить его съ душою. Тогда гелюнгъ начинаетъ призваніе, сперва звуками духовныхъ инструментовъ, а потомъ вышедъ изъ кибитки, разными знаками приглашаетъ душу въ обратный путь, — кричитъ, что она напрасно ушла, что ее съѣдятъ волки и т. п.; когда-же больной въ мучительномъ состояніи страха и надежды освѣдомляется объ успѣхѣ, то гелюнгъ велитъ сказать ему, что все идетъ хорошо, что душа показалась уже въ отдаленіи и, по-видимому, намѣрена возвратиться. Подобныя увѣренія продолжаютъ дотолѣ, пока больному сдѣлается хотя нѣсколько лучше, или онъ дѣйствительно разстанется съ жизнью. Въ первомъ случаѣ гелюнгъ поздравляетъ своего больного съ душою, а въ послѣднемъ увѣряетъ его родственниковъ, что душа была уже очень близко, но что злобный *эрлинъ* употребилъ къ удаленію ея неожиданную хитрость, о коей сочиняетъ дѣлая басни, не теряя права на полученіе вознагражденія, за труды обѣщаннаго“ (Подробныя свѣд. о Волжскихъ калмыкахъ стр. 229—234)... Бываютъ случаи, хотя, конечно, очень рѣдко, когда калмыцкое духовенство для поддержанія въ

народъ религіознаго настроенія и пріобрѣтенія себѣ доходовъ пріобрѣгаетъ къ болѣе еще возмутительнымъ способамъ. Покойный А. А. Бобровниковъ, извѣстный ориенталистъ и бакалавръ Казанской духовной академіи, отправлявшійся въ Астраханскія степи для изученія калмыцкаго языка, приводитъ слѣдующій примѣръ шарлатанства гелюнговъ: „въ Малодербетевскомъ улусѣ умеръ въ глубокой старости одинъ очень уважаемый бакша. Гелюны скрыли до времени смерть его и объявили народу, что бакша ихъ намѣренъ сдѣлаться „нирваною“ и хочетъ объявить народу послѣднюю свою волю. Между-тѣмъ, трупъ скрыли за пологомъ и тайно посадили туда живаго гелюнга. Когда собрался народъ около кибитки, одинъ гелюнгъ сталъ на колѣни передъ пологомъ и началъ просить бакшу, чтобы онъ согласился пожить еще съ ними. Гелюнгъ, спрятавшійся за пологомъ, начинаетъ укорять народъ въ холодности въ вѣрѣ, въ недостаткѣ благоговѣнія къ духовенству и проч., и что онъ по всемъ этимъ причинамъ не согласенъ жить съ ними. Потомъ предсказываетъ холодную зиму, въ которую много падетъ скота за грѣхи людей. За тѣмъ объявляетъ, что онъ уже „нирвана“. Потомъ открываютъ пологъ, показываютъ народу трупъ,—и народъ вѣритъ, что это точно говорилъ бакша, кается въ своихъ грѣхахъ и тащитъ послѣдняго барана на снѣденіе гелюнгамъ“. (Православное Обзорѣніе 1865 г. стр. 352). Словомъ, шарлатанство калмыцкаго духовенства при болѣзняхъ простыхъ калмыковъ и тому подобныхъ случаяхъ превышаетъ всякое вѣроятіе и большею частію оканчивается для большаго лишеніемъ послѣдней собственности, которую онъ суевѣрно отдаетъ въ хурулъ за весьма сомнительный успѣхъ гелюнгскаго леченія..

Безбрачная жизнь, матеріальное обезпеченіе и слѣд. отсутствіе заботъ о матеріальномъ благосостояніи, совершенно праздная жизнь служатъ причиною развитія въ калмыцкомъ духовенствѣ многихъ гнусныхъ пороковъ, которое, по этому, своимъ соблазнительнымъ поведеніемъ подаетъ дурной примѣръ простому народу. Николай Страховъ писалъ въ свое время о калмыцкомъ духовенствѣ слѣдующее: „молодые духовные, будучи безженны, не только не уступаютъ въ любовныхъ дѣлахъ аббатамъ, но гораздо въ томъ ихъ превосходятъ“. (Нынѣшн. состояніе калм. нар. стр. 22). Въ 1834 г. мѣстное начальство отзывалось о калмыцкомъ духовенствѣ слѣдующимъ образомъ: „классъ духовенства болѣе и болѣе умножается, потому-что вступающіе въ духовное званіе освобождаются отъ всѣхъ повинностей и пользуются уваженіемъ мірянъ, наслаждаясь между-тѣмъ праздною жизнію; духовенство содержитъ себя добро-

вольными пожертвованіями, которые не только обезпечиваютъ содержаніе онаго, но и превышаютъ далеко мѣру прямыхъ и существенныхъ надобностей въ жизни. За исключеніемъ весьма не многихъ лицъ, духовенство, вмѣсто того, чтобы служить образцомъ доброй нравственности для народа, подаетъ соблазнительный примѣръ въ жизни. *Пьянство, карточная игра, волокитецтво, суть отличительныя черты почти каждаго духовнаго лица*; развратъ наиболѣе замѣтенъ между гелюнами, которые, безпрестанно отлучаясь отъ своихъ хуруловъ, скитаются по хотонамъ, аймакамъ, сосѣдственнымъ селамъ и городамъ, рассказывая нелѣпыя новости, поселяютъ раздоры между калмыками, подстрекаютъ своими совѣтами къ тяжбамъ и лебдамъ и принимаютъ на себя званіе ходатаевъ по присутственнымъ мѣстамъ; вмѣшательство гелюновъ и вообще духовенства въ дѣла свѣтскія имѣютъ въ виду одну цѣль: приобрѣтеніе безъ труда денегъ *на распутство* (Ж. М. Н. Пр. 1869 г. Авг. стр. 114 въ Совр. Лѣтописи). По свидѣтельству бывшаго главнаго попечителя калмыцкаго народа Б. И. Костенкова, все выше-сказанное о порокахъ можно вполне приложить и къ настоящему современному составу калмыцкаго духовенства, которое кромѣ того, какъ утверждаетъ онъ-же, подобно своимъ предшественникамъ „нерѣдко противодѣйствуетъ правительству въ преслѣдованіи преступленій, скрываетъ преступниковъ, учитъ какъ отвѣчать при допросахъ, и часто превратно толкуетъ народу распоряженія правительства“. Мнѣ самому лично приходилось слышать отъ людей компетентныхъ много рассказовъ о калмыцкомъ духовенствѣ и на основаніи этихъ рассказовъ, принятыхъ мною не безъ критической провѣрки, я пришелъ къ убѣжденію, что большинство членовъ этой касты держится своей религіи чисто изъ корыстныхъ видовъ: многіе изъ нихъ сознаютъ нелѣпость своей религіи, но поддерживаютъ ее въ простомъ народѣ по побужденіямъ вовсе не религіознымъ, а чисто земнымъ.. Полагаю, что къ нимъ вполне можно приложить слова Апостола Павла, сказанныя, по весьма вѣроятному предположенію, о жрецахъ современныхъ ему языческихъ религій: *Ничьи оправданіе Божіе разумѣше, яко таковая творящии* (т. е. всѣ тѣ мерзости въ языческомъ мірѣ, которыя онъ перечисляетъ въ 1-й главѣ посланія къ Римлянамъ) *достойни смерти суть, не точю сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Римл. 1,32). Однимъ словомъ, жрецовъ калмыцкой ламаической религіи вполне можно назвать *bon vivants* въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова.

Взглядъ на жизнь калмыцкаго духовенства и его зловерное вліяніе на нравственный и матеріальный бытъ отъ природы неглупаго, способнаго и обладающаго довольно сильнымъ религіознымъ чувствомъ простаго народа, приводитъ къ убѣжденію, что этотъ народъ, предоставленный водителству гелюнговъ, погибнетъ окончательно. Г. Костенковъ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ повторяетъ мысль о томъ, что калмыцкой націи грозитъ совершенное уничтоженіе, если русское правительство, нравственно обязанное заботиться о благѣ этихъ кочевниковъ, принятыхъ имъ подъ свое покровительство, не приметъ своевременно разумныхъ, цѣлесообразныхъ мѣръ къ радикальному преобразованію не гражданскаго только, но и религіознаго быта калмыковъ... Многочисленное, матеріально обезпеченное, невѣжественное и развращенное калмыцкое духовенство, пока у него такимъ или инымъ способомъ не отнята возможность зловернаго вліянія на простой калмыцкій народъ, постепенно, хотя по видимому и медленно, ведетъ его къ гибели. Эту зловерную касту г. Костенковъ очень остроумно называетъ „паразитами“, которые, прибавимъ мы съ своей стороны, дѣйствительно, питаеь соками другихъ живыхъ организмовъ, взаимѣ не только ничего не даютъ имъ, а напротивъ приносятъ большой вредъ; пакоствятъ именно тамъ и тѣмъ, гдѣ и у кого они получаютъ средства для поддержанія своего жалкаго и тнусаго существованія.

А. Воронцовъ.

(Окончаніе бюджета).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ церковно-приходской лѣтописи Астраханской градской Петро-Павловской церкви.

(Продолженіе) (*).

II.

О церковно-служителяхъ Петро-Павловской церкви.

18). Дьячекъ Гавріиль *Базанскій*, — служилъ при сей церкви въ 1831 году; по должности былъ исправенъ, но жизни былъ, можно сказать, разсѣянной. Волѣ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

19). Діаконъ, состоящій на причетнической ваканціи (нынѣ настоятель Яндыковской Николаевской церкви) Петръ Ильичъ *Авдѣевъ*. Родомъ изъ калмыцкаго племени *Харахусовскаго улуса*, заисапа *Никеева*. Въ молодѣтствѣ ли-

(*) №№ 5, 8, 18 19, и 21 „Астрах. Епарх. Вѣдом.“ 1876 г.